

УДК 347.78.031:84-14+929Блок

ЦИТАЦИЯ И АВТОЦИТАЦИЯ В ЛИРИЧЕСКОЙ ДРАМЕ А. А. БЛОКА «НЕЗНАКОМКА»

Н. В. Семёнова

Тверской государственный университет
кафедра теории литературы

В статье рассматривается функция автоцитат, верифицирующих самый факт цитации. Интертекстуальные связи устанавливаются между стихотворением А. А. Блока «Незнакомка», его лирической драмой «Незнакомка» и рассказом А. И. Куприна «Первый встречный».

Ключевые слова: цитата, коннотация, сема, референциальная память слова

Феномен автоцитации до сих пор не получил однозначного истолкования в филологии. По форме цитаты из собственных текстов ничем не отличаются от цитирования других авторов: это «регулярно возвращающиеся лексические единицы» [11, с. 8]. В плане содержательном автоцитирование направлено на выявление проблем, доминирующих в творчестве поэта [15, с. 92].

Так, у Блока две цитаты в первом явлении драмы «Незнакомка», отсылая к стихотворению «Незнакомка», выявляют сквозную тему («монотему») в творчестве второго периода, когда «Прекрасная Дама раздваивается, превращается в Незнакомку» [3, с. 349]. «Первое видение. Поэт. И среди этого огня взоров, среди вихря взоров, возникнет внезапно, как бы расцветёт под голубым снегом – одно лицо: единственно прекрасный лик *Незнакомки*, под густою, тёмной вуалью... Вот качаются перья на шляпе... Вот узкая рука, стянутая перчаткой, держит шелестящее платье... Вот медленно проходит она... проходит она...» [4, т. 4, с. 74]. «Поэт. Синий снег. Кружится. Мягко падает. Синие очи. Густая вуаль. Медленно проходит Она. Небо открылось. Явись! Явись!» [4, т. 4, с. 78].

В приведённых фрагментах точная цитата («узкая рука») и трансформированные цитаты («качаются перья», «медленно проходит она») участвуют в смыслообразовании, давая отсылку к другому тексту того же автора. В том случае, если цитата имеет минимальный объём и дополнительно никак не маркирована, критерием цитирования может послужить смысловое «растяжение» слова [8, с. 177], или «референциальная память слова». «Под референциальной памятью слова понимается способность слова как знака, с одной стороны, фиксировать узаконенные общим языком прямые референциальные соответствия, с другой, входить в сеть парадигм, обычно называемых “поэтическими”... <...> в которых регламентируется перенос прямого переносного значения по аналогии и смежности, и, с третьей, создавать индивидуально-авторские соответствия и “расщепления” референции (или “пучки смыслов”), фиксируя их в поэтической памяти» [14, с. 76].

Р. Барт говорит в этом случае о «цитировании» сем, при этом факультативные кавычки подтверждают непривычное использование термина [2, с. 34]. Это «как бы цитирование», и оно подразумевает актуализацию закрепившихся

за словом коннотативных сем при каждом последующем его употреблении. В этой логике как пример автоцитации можно рассмотреть заглавие лирической драмы А. А. Блока «Незнакомка».

Особые коннотации возникают у слова «незнакомка» после публикации стихотворения «Незнакомка» (1906). Известно, что Блок отказывался видеть в Незнакомке новое воплощение Прекрасной Дамы [10, с. 38], а М. М. Бахтин даже назвал Незнакомку «Прекрасной Дамой наизнанку» [3, с. 349]. И дело, очевидно, не только в том, что в культурном сознании прототипом Незнакомки была привокзальная проститутка [7, с. 94]. Образ Незнакомки двоятся: это образ «скорее возвышенный» или «скорее двусмысленный»: «неясно, кто такая Незнакомка: женщина лёгкого поведения или пленная Душа мира» [10, с. 45].

Драму «Незнакомка» (1913), исключаящую «пикантное» толкование образа Незнакомки, публика встретила холодно [4, т. 4, с. 471], а космизм Незнакомки получил неожиданное продолжение в «астральной» моде на шлейфы и надушенные перчатки. Однако двойственность Незнакомки сохраняется и здесь. Для Поэта и Астронома она «дева-звезда», для Вэрлена (он же Костя, он же «проходящий господин») – падшее создание. Незнакомка, которую не пускают дальше прихожей, уравнивается со «шлюхой», ожидающей за дверью. Эффект *déjà vu* подтверждается повтором одной и той же фразы. «Первое видение: «Молодой человек. Костя, друг, она у дверей дожидает...» [4, т. 4, с. 72]. «Третье видение: «Молодой человек. Костя, друг, да она у дверей дожидает...» [4, т. 4, с. 93]. Таким образом, слово «незнакомка» в лирической драме включает те же коннотативные семы, что и в стихотворении: «распутство» и «принадлежность иным мирам».

Коннотации определяются лингвистами как несущественные, но устойчивые признаки обозначаемого словом понятия. Они «нежестко закреплены за словом, “капризны”, прихотливы, “летучи”, национально и индивидуально специфичны» [8, с. 176]. Коннотации формируются «основным контекстным фоном», в нашем случае – стихотворением и пьесой А. А. Блока «Незнакомка». Расширенный контекст показывает, что новое коннотативное значение закрепилось не только в поэтическом, но и в бытовом и научном дискурсах. Свидетельство об этом оставил Ю. П. Анненков, первый иллюстратор «Двенадцати» Блока. В своих воспоминаниях он описал реакцию части современников Блока на появление стихотворения «Незнакомка»: «Студенты, всяческие студенты, в Петербурге знали блоковскую “Незнакомку” наизусть. И “девочка” Ванда, что прогуливалась у входа в ресторан “Квисисана”, шептала юным прохожим:

– Я уесь Незнакоумка. Хотите познакомиться?

“Девочка” Мурка из “Яра”, что на большом проспекте, клянчила:

– Карандашик, угостите Незнакомочку. Я прозябла.

Две девочки от одной хозяйки с Подьяческой улицы, Сонька и Лайка, одетые как сёстры, блуждали по Невскому (от Михайловской улицы до Литейного проспекта и обратно), прикрыв к своим шляпкам чёрные страусовые перья.

– Мы пара Незнакомок, – улыбались они, – можете получить электрический сон наяву. Жалеть не станете, миленький-усатенький (или хорошенький-бритенький или огурчик с бородкой...)» [1].

Эта коннотация сохраняется в лекциях М. М. Бахтина по русской литературе, прочитанных в 1922–1927 гг., где «незнакомкой» названа Катька из поэмы Блока «Двенадцать»: «Картонная, бугафорская Незнакомка и как картонная убита» [3, с. 351]. В обоих случаях прописная буква выступает как знак «формульной опасности» [6, с. 159], подтверждая процесс смыслопреобразования.

Автоцитирование сем и мотивов в лирической драме «Незнакомка» заставляет обратиться к поискам литературных претекстов. Согласно гипотезе И. П. Смирнова, автореминисценции, будучи «объективн[ым] способ[ом] проверки наших предположений в области интертекстуальных исследований» [11, с. 21], заставляют искать в тексте следы присутствия других авторов, верифицируют самый факт цитации.

Исследователи отметили, что в стихотворении и пьесе Блок цитирует Данте, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. С. Соловьёва, В. Я. Брюсова, Г. Гейне [13, с. 73]. В этом ряду не назван ещё один автор – А. И. Куприн.

«Первый встречный» Куприна (1897) представляет собой классический «петербургский текст»: Петербург, вечер, туман, «шатуны», которые не решаются приблизиться к женщине на углу Литейного и Невского, хотя она и «совершенно одна, без спутника» [9, с. 180], – с этого начинается рассказ.

Как «цитатный приём» можно интерпретировать следующее совпадение. Два плана – мечты и пошлой реальности – соединяет у Куприна предметная деталь-символ: рисунок на обоях, «на грязно-зелёном фоне» [9, с. 180], в номерах гостиницы «Занзибар», где в шахматном порядке повторяется одно и то же изображение: кавалер и дама в костюмах века Людовика XIV стоят на подъёмном мосту на фоне средневекового замка. Тот же контраст рисунка на обоях и пошлого кабацкого окружения зафиксирован в ремарке, которой открывается первое видение в пьесе «Незнакомка». «Первое видение. Подрагивает беломатовый свет ацетиленового фонаря в смятом колпачке. На обоях изображены совершенно одинаковые корабли с огромными флагами. Они взрезают носами голубые воды» [4, т. 4, с. 70]. Эта ремарка, дважды возобновляясь, сигнализирует недостижимость мечты: «Медленно, медленно начинают кружиться стены кабачка. Потолок наклоняется, один конец его протягивается бесконечно. Корабли на обоях, кажется, плывут близко, а всё не могут доплыть» [4, т. 4, с. 77]. «Всё вертится, кажется, перевернётся сейчас. Корабли на обоях плывут, вспенивая голубые воды. Одну минуту кажется, что всё стоит вверх ногами» [4, т. 4, с. 78]. Во всех трёх случаях рисунок на обоях метонимически представляет мир мечты.

Повторяющиеся образы у Блока и Куприна – «незнакомка», «мечтатель»; «шатуны» / «проходящий господин» / фланёры («Среди канав гуляют с дамами Испытанные остряки» [4, т. 2, с. 159]). При этом незнакомку Куприна характеризует то же, что и Незнакомок Блока. Все три текста объединяет образ женщины – «*другой* – неизвестной, чужой, неведомой, незримой, изменчивой, падшей... <...> внушающей то интерес, то восторг, то вожделение, то игру фантазии, то страх и т. п. – женщины, неожиданно являющейся, влекущей лирического героя к себе, но затем исчезающей (в пространстве ресторана, в тумане, в темноте, в дали, в глубине стакана, сознания, на другом берегу» [13, с. 88]. Одни и те же персонажи моделируют сходные ситуации в стихотворении, пьесе и рассказе. В стихотворении «Незнакомка» – это вечер, сомнительное заведение (ресторан),

куда женщины «без спутников, одн[и]» обычно не заходят, встречи лирического героя с Незнакомкой. В пьесе «Незнакомка» – вечер, сомнительное заведение (кабачок), куда пришедших без кавалеров женщин не пускают. После диалога Поэта и Незнакомки «проходящий господин» уводит Незнакомку с петербургской улицы. В рассказе Куприна «Первый встречный» «мечтатель» вечером на Невском встречает незнакомку, заговаривает с ней и везёт её потом в номера.

Эротизации образа незнакомки у Куприна способствует отсутствие имени, указание на то, что она «совершенно одна, без спутника» (у Блока: «всегда без спутников, одна»): «без спутников» – «то есть женщина, ищущая спутников» [13, с. 91]. Тот же эффект создают телесные детали: уличная грязь на узеньких лакированных туфельках, «низ чёрной юбки», «ажурные чулки», кофточка с большими перламутровыми пуговицами, «маленькая ручка в жёлтой перчатке», «стройное тело женщины», запах духов (у Блока: «кольца», «узкая рука», запах духов) [13, с. 91].

Слово «незнакомка» встречается в рассказе Куприна 12 раз, в том числе в сочетаниях «моя незнакомка», «своя незнакомка», «прекрасная незнакомка» [9]. Именование «прекрасная незнакомка» соотносится с авантюрным сюжетом вставной истории, которая возникает в мечтах героя после исчезновения случайно встреченной им женщины: «Фантазия моя рисовала и роскошные сады с журчащими фонтанами, и разбойников, и похищение прекрасной незнакомки, и неожиданного спасителя, и свалившееся на голову с неба богатство» [9, с. 187].

Вместе с тем само заглавие «Первый встречный» указывает на коннотативную сему «распутство»: незнакомка намеревается отдаться «первому встречному» в дешёвой гостинице, где номера сдаются «на время» или «на ночь» [9, с. 183]. В этом сценарии, который разыгрывается по прихоти незнакомки, она идентифицирует себя с падшей женщиной и требует, чтобы герой рассказа вёз её в «грязные притоны», куда возят «этих женщин» [9, с. 182]. О том, что незнакомка принадлежит, быть может, к падшим созданиям, свидетельствует следующий пассаж: «[К]то же не знает, как много и каких именно женщин высылают в такую пору на улицы Петербурга легкомыслие, обман и нищета?» [9, с. 180].

Неоднозначность образа незнакомки у Куприна («морфинистка, безумная или приезжая и обобранная кем-нибудь женщина, не знающая города и оставшаяся без средств» [9, с. 182]) усиливается вследствие реминисцентной отсылки к поэме В. С. Соловьёва «Три свидания» [12, с. 118–124].

У Соловьёва явление «подруги вечной» в пустыне сопровождается разливающимся ароматом роз:

И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!»
И я уснул; когда ж проснулся чутко, –
Дышали розами земля и неба круг. <...>
В душе моей те розы не завянут... <...>
Улыбки розовой душа следы хранила [12, с. 123].

Появление незнакомки в рассказе Куприна сопровождается следующим сравнением: «Это было для меня так же удивительно и так же непонятно, как если бы зимою среди поля я увидел лежащую на снегу красную розу» [9, с. 180]. Ассоциативно сближаются те же образы, что и в поэме Соловьёва: ро-

за, снежная пустыня, «прекрасная таинственная женщина». Этот вид цитации может быть представлен на схеме, где «Стихи о Прекрасной Даме» Блока и «Первый встречный» Куприна – «вторичные» претексты, а «Три свидания» Соловьёва – «первичный» претекст. Положение «Первого встречного» Куприна в этом семантическом пространстве позволяет воспринять незнакомку Куприна как прообраз Незнакомки Блока.

Таблица 1

Таблица претекстов

А. А. Блок стихотворение «Незнакомка» драма «Незна- комка»	}←	А. А. Блок «Стихи о Прекрас- ной Даме» А. И. Куприн «Первый встреч- ный»	}←	В. С. Соловьёв «Три свидания»
--	----	---	----	----------------------------------

Р. S. Особые коннотации в слове «незнакомка» просуществовали вплоть до 1920-х гг., о чём свидетельствует следующий факт. Когда в 1925 г. картина И. Н. Крамского «Неизвестная» вошла в собрание Третьяковской галереи и стала известна широкой публике, в бытовом сознании закрепилось другое её название – «Незнакомка». «Неизвестная» на картине последовательно соотносилась с Настасьей Филипповной, Анной Карениной, блоковской Незнакомкой, Вечной Женственностью [16, с. 11]. Однако в диалоге поколений «память слова» может ослабевать. И в XXI в. рекламный журнальный текст сохраняет в слове «незнакомка» только слабо окрашенную сему «романтичность»: «Прекрасная Незакомка – комплект для романтических девушек, длинный уютный кардиган и платье с высоким воротом и блестящей фактурой [создают] утончённый образ» [5, с. 83].

Список литературы

1. Анненков, Ю. Дневник моих встреч [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// imobico.ru](http://imobico.ru)> Читай -/104517. – Дата обращения: 08.01.2012. – Загл. с экрана.
2. Барт, Р. S/Z [Текст] / Р. Барт – М. : Ad Marginem, 1994. – 303 с.
3. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927 [Текст] / М. М. Бахтин ; подгот. текст и коммент. С. Г. Бочаров, Л. С. Мелихова. – М. : Русские словари, 2000. – 800 с.
4. Блок, А. А. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок ; подгот. текста и коммент. С. А. Небольсин. – М. : Правда, 1971. – Т. 2 : Стихотворения. Книга вторая, 1904–1908 [Текст]. – 1971. – 351 с. – Т. 4 : Драматические произведения. – 1971. – 479 с.
5. Вронская, М. Легенды осени с Анной Снаткиной [Текст] / М. Вронская, О. Трухан. // Антенна. – 2009. – 14–20 сент. – С. 82–84.
6. Григорьев, В. П. Поэтика слова [Текст] / В. П. Григорьев – М. : Наука, 1979. – 342 с.

7. Ерохин, В. Н. Ключевое слово в художественном тексте [Текст] : монография / В. Н. Ерохин – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2004. – Ч. 1. – 99 с.
8. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка [Текст] / Н. А. Кузьмина. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 272 с.
9. Куприн, А. И. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Произведения, 1896–1901 [Текст] / А. И. Куприн ; подгот. текст и коммент. П. Вячеславова и И. Питляр. – М. : ГИХЛ, 1957. – 590 с.
10. Магомедова, Д. М. Александр Блок. «Незнакомка» : внутренняя структура и контекст прочтения [Текст] / Д. М. Магомедова // Вестник ПСТГУ III : Филология. – 2009. – Вып. 2 (16). – С. 38–46.
11. Смирнов, И. П. Порождение интертекста [Текст] / И. П. Смирнов. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 191 с.
12. Соловьёв, В. С. «Неподвижно лишь солнце любви...» : Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников [Текст] / В. С. Соловьёв – М. : Московский рабочий, 1990. – 447 с.
13. Толмачёв, В. М. 1. Подготовительные материалы. 2. Комментарий и анализ [Текст] / В. М. Толмачёв // Вестник ПСТГУ III : Филология. – 2009. – Вып. 2 (16). – С. 69–108.
14. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов [Текст] / Н. А. Фатеева – М. : Агар, 2000. – 280 с.
15. Фоменко, И. В. Практическая поэтика [Текст] / И. В. Фоменко – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 192 с.
16. 50 художников. Шедевры русской живописи. Крамской : художественный альбом [Текст]. – М. : Искусство, 2010. – Вып. 7. – 31 с.

CITATION AND SELF-CITATION IN A. A. BLOK'S LYRICAL DRAMA "THE LADY UNKNOWN"

N. V. Semionova

Tver State University
Chair of theory of literature

The article discusses the function of self-quotations which verify the very fact of citation and establishes intertextual links between A. A. Blok's poem "The Lady Unknown" and A. I. Kuprin's short story "The First Comer".

Keywords: *citation, connotation, seme, referential memory of the word*

Об авторах:

СЕМЁНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. заведующей кафедрой теории литературы Тверского государственного университета, e-mail: ninasemenova@yandex.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.